

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

С. В. АЛЕКСЕЕВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ШАБЛОН ИЛИ РЕАЛИИ? (ДВА ПРИМЕРА ИЗ ЖИТИЙ СВЯТОСАВСКОГО ЦИКЛА)¹

Статья посвящена проблеме соотношения «литературных шаблонов» средневековой литературы и исторической реальности. Вопрос рассматривается на примере двух эпизодов из сербских Житий св. Савы, созданных в XIII в. Оба эпизода, представляющиеся обычно современной наукой как характерные примеры агиографического стереотипа, по мнению автора, не могут быть оценены столь однозначно.

Ключевые слова: *средневековье, источниковедение, агиография, Сербия, средневековая литература, Жития св. Савы, литературные стереотипы.*

Одной из наиболее часто поднимаемых проблем восприятия современным специалистом средневековой реальности является господство в литературе средневековья устойчивых «шаблонов» описания факта. При этом «трафарет», с помощью которого описывается окружающая и минувшая действительность, по распространенному мнению, вполне мог замещать собой факт. Средневековый писатель при этом воспринимается почти как «играющий в текст», как создающий из библейских парафраз и цитаций предшественников некую новую идеальную реальность, руководствуясь собственными литературными и философско-богословскими соображениями. Результат его деятельности, естественно, не может при этом восприниматься современным специалистом как тождественный «первичному миру».

Данная точка зрения, без сомнения, имеет свои основания. Средневековый автор, создавая историческое повествование, действительно старался «приблизить» описываемую реальность к священной истории. Это давало ему возможность продемонстрировать промыслительное измерение исторического процесса – в том числе в конкретных политических целях. Примеров тому приводилось в науке немало, в том числе из древнерусской словесности². Однако для интерпретируемого через «шаблон» события в большинстве случаев отыскивается вполне соот-

¹ Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект «Памятники сербской средневековой историографии XII–XVII вв.: перевод и исследование», № 13-01-00118а).

² См., например: Петрухин 2006, Плотникова 2008.

ветствующая или не противоречащая данным иных источников историческая основа. Средневековый литературный этикет не творил новую небывалую историю, а прилагался к реальной.

Наиболее «трафаретным» из повествовательных жанров средневековой литературы считаются жития святых. Основания для этого также есть, и весьма веские. Не берясь опровергнуть саму концепцию создания многих известных житий из «общих мест», представим в настоящей статье только два примера, на первый взгляд, вполне типичных «общих мест». Источник – Жития первого сербского архиепископа, св. Савы Неманича (ум. 1236), созданные в XIII в. в монастыре Хиландар Доментианом и Феодосием. Представляется, что приводимые примеры демонстрируют две достаточно типичных «ловушки» для исследователя, просеивающего житийный материал по принципу «шаблонности».

Проданный архиепископ

В «Житии святого Савы» Доментиан при описании возвращения архиепископа через Афон из восточного паломничества в 1230 г. отмечает: «И оставшиеся из тех святых мужей на Святой Горе говорили мне, будучи самовидцами преславных дел его, что ангелом земным и небесным человеком именовали его». Среди прочего: «Другой раз, когда Божьим промыслом бывал во граде и оскудевало у него требующееся на раздачу убогим, то повелевал одному из служащих ему: “Веди меня на торг и продай меня за золото”. И многожды был продан, уподобившись Владыке своему, проданному его ради, поруганному и по ланитам ударенному, а собою купленное опять подавал неимущим»³.

Этот мотив неоднократно разобран на материалах еще византийской агиографии. Он в гораздо более развернутом виде отмечен во вставном повествовании о св. Петре Мыгаре из Жития св. Иоанна Милостивого. Естественно, что в современной науке утвердилось представление о фольклорном и «шаблонном» характере этого мотива⁴. И это, конечно, не единственный аргумент против реальности описанной Доментианом ситуации. Маловероятно, например, чтобы архиепископ Сербии был «многожды» продаваем в качестве раба на торгу Фессалоники. Если бы в первый раз он и остался неузнанным, успешное повторение такой операции маловероятно. К тому же юридически, даже в политическом хаосе XIII в., речь для покупателя шла о прямом нарушении закона.

Однако есть и некоторые аргументы, побуждающие усомниться в однозначности решения вопроса. Прежде всего, Доментиан лично знал

³ Доментијан 1865. С. 279–280.

⁴ См., например: Византийские легенды 1994. С. 248–249.

Саву, будучи одним из последних его учеников, и занимал высокое положение в афонской монашеской иерархии как духовник монастыря Хиландар. Он общался со многими свидетелями жизненного пути учителя и, очевидно, записывал их рассказы. Примеров благочестия Савы он приводит немало, причем выглядящих гораздо достовернее. Добавление этого странного, краткого и для сербской агиографии вовсе не «шаблонного» рассказа (ни одного случая повторения!) выглядит нелогично.

Далее, как и во многих случаях критики литературных «шаблонов», следовало бы взять в расчет историко-психологический фактор. Здесь – очевидный факт знакомства средневекового образованного человека с этими самыми «шаблонами». Сава ушел на Афон в юном возрасте, против воли родителей, и большую часть жизни посвятил строжайшей аскезе. С другой стороны, еще в Сербии и после в афонских монастырях он получил достаточно внушительное образование, отразившееся в его литературном и каноническом творчестве. Не стоит сомневаться в том, что историю св. Петра Мытаря он знал – как и массу других благочестивых аскетических примеров, которым целенаправленно следовал. На самом деле нет достаточных оснований думать, что речь идет о введении «шаблона» агиографом, а не о поведении по «шаблону» его героя.

Была бы успешной попытка такого подражания? Из контекста рассказа Доментиана (упоминание об «одном из служащих») можно было бы заключить, что речь идет о жизни Савы на Афоне уже в архиепископском сане. Но на самом деле приурочивать эпизод(ы?) к довольно кратким пребываниям архиепископа на Афоне нет оснований. Речь о рассказах Доментиану старших подвижников, знавших Саву еще монахом и настоятелем на самой Святой Горе. Сава был довольно известен в Фессалонике, и вряд ли ему удалось бы продать себя «многожды». Но если дело было до обретения им архиепископского сана, в 1217–1219 гг., или еще до первого его возвращения в Сербию (1208), то ситуация несколько меняется. Город с 1206 по 1224 г. находился в руках завоевателей-латинян, и византийское право в нем не действовало, что также следует учитывать.

Итак, при ближайшем рассмотрении описанный «трафаретный» эпизод уже не выглядит столь очевидным вымыслом. Он может являться таковым – но может быть и не менее вероятным примером подражания исторического персонажа известному ему литературному образцу.

Эпирская Далида

Во втором «Житии святого Савы», написанном в конце XIII в. Феодосием Хиландарцем, содержится следующий рассказ о свержении в 1233 г. короля Радослава, племянника святого: «Ненавидящий же изна-

чально добро враг людей, дьявол, непокорством вооружил младшего брата на старейшего, – то есть Владислава на благочестивого Радослава-короля воздвиг. Ибо благочестивый Радослав-король, сперва во всем достойный похвал и изящнейший, после покорился жене, от которой и повредился умом; властели, негодуя из-за несостоятельности его ума, от него отступили и приложились к младшему брату его Владиславу; когда же начались между братьями ненависть и гонение за горькую славу королевства, святой много молил их о замирении и запрещал им, а не сумев никак их примирить, сказал: “Если от Бога вы действуете, воля Господня да будет”. И вот король Радослав, изгнанный, в Драч-град прибегает. На зависть была красива лицом жена его, и немного дней спустя злонравной той и лукавой жены лишился, – второй Далидой, как первая у Самсона, так и эта своему прекрасному господину окаянной оказалась; захотелось ведь фругу великому, который обладал градом, ее у него отнять, и вконец его убить устремился; смертоносного же меча избежав, названный Радослав, изгнанный из королевства и лишенный жены, в совершенном недоумении к святому архиепископу как к своему отцу прибегает; святой же, приняв его с радостною душою, скорби его от брата и от лукавой жены вдоволь утешив, пожелал вражду брата с ним прекратить, – ангельским и иноческим образом его украсив, вместо Радослава именем Иоанн-монах его поименовав⁵.

Этот эпизод не восходит к «Житию» Доментиана и в то же время передает подлинные исторические события. О свержении Радослава Владиславом свидетельствуют документальные источники⁶. Правда, некоторые детали расходятся с повествованием Феодосия: так, Радослав бежал, по крайней мере вначале, не в Диррахий, а в Дубровник. Главная же «деталь», которую опускает агиограф (возможно, из сербского патриотизма) – свержение Радослава произошло в результате вторжения болгарского царя Ивана Асеня II. Последний, разгромив тестя Радослава, эпирского царя Федора Комнина-Дуки, на Клокотнице в 1230 г., обратил оружие против Сербии. Здесь он вступил в союз с мятежным братом короля, Владиславом, за которого тогда или после выдал собственную дочь. «Повреждение умом» Радослава заключалось в том, что он поддерживал греческого тестя против победоносного болгарского соседа. В этом, конечно, сербская властела винила королеву-гречанку. Однако, при всех особенностях изложения, в целом сведения Феодосия подтверждаются другими источниками. Тем не менее, повествование «Жития»

⁵ Живот 1860. С. 177–178.

⁶ Зборник 2011. С. 129–138.

было подвергнуто сомнению именно в той части, где рисуется негативный образ королевы. Сюжет стал рассматриваться как типичная средневековая история о «женской злобе», вставленная сочинившим ее агиографом в рассказ о подлинных событиях. Указывается, что королева приняла постриг вместе с королем или вскоре после него; на то, что «фруги»-латиняне в 1233 г. не владели Диррахием⁷.

Однако это тот случай, когда суждения о «шаблонности» носят несколько поспешный характер. Типичность некоего мотива для средневековой литературы не означает его вымышленности в каждом конкретном примере. Прежде всего, для сербской оригинальной литературы истории о «женской злобе» вовсе нетипичны. Собственно, таких «историй» всего две: эта и изложенная болгаринном Григорием Цамблаком (начало XV в.) в житии сербского короля Стефана Дечанского история клеветы на него мачехи, византийской царевны Симониды. Можно отметить, что в «Летописи попа Дуклянина», сохранившейся в латинском переводе и неизвестной сербским агиографам, имеется рассказ о жившей в XI в. королеве-злодейке Яквинте, итальянке по происхождению.

С другой стороны, совершенно типичен для сербской средневековой литературы образ «святой жены». Это, прежде всего, имеющие собственные жития святые королева Елена (XIV в.) и деспотица Ангелина (XVI в.), а также жена павшего на Косове князя Лазаря Милица-Евгения. Далее же – большое число почитаемых «святых жен» второго ряда, начиная с матери св. Савы Анны-Анастасии и кончая женой турецкого султана «царицей» Марой Бранковной. Итак, в сербском культурном контексте что-то «типичное» в истории жены Радослава найти трудно.

Упоминание библейской Далиды не только не подтверждает литературной «шаблонности» сюжета, но скорее подчеркивает ее отсутствие. Дело в том, что во всех оригинальных произведениях сербской повествовательной литературы средневековья Далида упоминается лишь трижды. Первое упоминание – у Феодосия; два других – у опирающихся на него при изложении истории Радослава двух сербских летописцев XIV и XVII вв.⁸ В последнем случае непосредственным источником послужил Русский Хронограф, восходящий здесь к тому же Феодосию. Итак, и данная библейская параллель для сербской литературы типичной не является. Это, безусловно, не значит, что начитанный, сознательно подражавший создателям греческих «житийных романов» метафрастовской традиции Феодосий не мог занимательности ради измыслить подобный

⁷ Laskaris 1997. S. 51–52.

⁸ Стојановић 1927. С.68–71, 203.

сюжет. Однако это заставляет задуматься о том, какие основания имеются считать сюжет измышленным. В данном случае основания практически отсутствуют. Принятие королевой монашеского пострига после описанной Феодосием ситуации вполне возможно и по-своему логично. Оно не может служить аргументом ни за, ни против ее историчности.

Что касается «франкского» правителя в Диррахии, то Феодосий всего лишь экстраполировал в прошлое ситуацию своего времени. Он вводит в сербскую традицию сведения о целом ряде подтвержденных другими источниками исторических фактов (помимо свержения Радослава – смерть болгарского царя Калояна, битва на Клокотнице), что свидетельствует о его неплохой исторической осведомленности, будь то из письменных или устных источников. Однако вероятное превалирование последних приводит к частным ошибкам. Так, Феодосий считает, что при поставлении Савы архиепископом Константинополем еще владели греки, в паре мест путает никейского императора Феодора Ласкаря с эфирским Феодором Комнином-Дукой. К такого рода ошибкам относится и характеристика правителя Диррахия как «великого фруга». Но нет никаких оснований предполагать, что Феодосий не передал добросовестно или относительно добросовестно дошедшую до него традицию о судьбе Радослава. Нет никаких оснований и вычленять рассказ о королеве-«Далиде» из достоверного повествования о свержении ее мужа.

Рассмотренные агиографические сюжеты, как уже сказано, демонстрируют две возможных ошибки при анализе «шаблонных» на первый взгляд ситуаций. В первом случае мы имеем вероятность следования самого описываемого исторического лица литературному «шаблону» в реальном поведении. Эта возможность чаще всего не учитывается при анализе ситуаций такого рода. Второй случай более специфичен, но аналогичные тоже встречаются довольно часто. Это пример некоторого предубеждения к средневековому памятнику, когда представления о «предрассудках» его создателей сами оборачиваются своеобразным научным предрассудком. В обоих случаях, как было показано, однозначные умозаключения в пользу неисторичности и «шаблонности» описываемого могут оказаться необоснованными.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Византийские легенды / Изд. подг. С.В. Полякова. М.: Ладомир, 1994. 304 с.
Доментијан. Живот светого Симеуна и светого Саве / Изд. Ђ. Даничић. Биоград, 1865. XIX+345 с.
Живот светого Саве / Изд. Ђ. Даничић. Биоград, 1860. VII+219 с.
Зборник средњовековних ћириличких повеља и писама Србије, Босне и Дубровника. Кн. 1. Београд: Историјски институт, 2011. 652 с.

- Петрухин В.Я.* Иеротопия Русской земли и начальное летописание // Иеротопия: создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М.: Индрик, 2006. С. 480–488.
- Плотникова О.А.* Сакральный образ князя Владимира в системе средневекового «литературного этикета» // Информац. гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. №6. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Plotnikova/>
- Стојановић, Љ.* Стари српски родослови и летописи. Београд; Сремски Карловци: Српска Краљевска академија, 1927. CVIII + 382 с.
- Laskaris M.* Vizantijske princeze u srednjevekovnoj Srbiji: prilog istoriji vizantijskosrpskih odnosa od kraja XII do sredine XV v. Beograd: Pešić i sinovi, 1997. 160 s.

REFERENCES

- Vizantijskie legendy / Izd. podg. S.V. Poljakova. M.: Ladomir, 1994. 304 s.
- Domentijan. Zhivot svetoga Simeuna i svetoga Save / Izd. D. Danichich. Biograd, 1865. XIX+345 s.
- Zhivot svetoga Save / D. Danichich. Biograd, 1860. VII+219 s.
- Zbornik srednjovekovnih cirilichkih povelja i pisama Srbije, Bosne i Dubrovnika. Kn. 1. Beograd: Istorijski institut, 2011. 652 s.
- Petruhin V.J. Ierotopija Russkoj zemli i nachal'noe letopisanie // Ierotopija: sozdanie sakral'nyh prostranstv v Vizantii i Drevnej Rusi. M.: Indrik, 2006. S.480–488.
- Plotnikova O.A. Sakral'nyj obraz knjazja Vladimira v sisteme sred-nevekovogo «literaturnogo jetiketa» // Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie». 2008. №6. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Plotnikova/>
- Stojanovich, L. Stari srpski rodoslovi i letopisi. Beograd; Sremski Karlovci: Srpska Kraljevska akademija, 1927. CVIII + 382 s.
- Laskaris M. Vizantijske princeze u srednjevekovnoj Srbiji: prilog istoriji vi-zantijskosrpskih odnosa od kraja XII do sredine XV v. Beograd: Pešić i sinovi, 1997. 160 s.

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, председатель Историко-Просветительского общества «Радетель»; ipo1972@mail.ru

Medieval literary topoi, or reality? Two examples from the Lives of the cycle of St Sava

The article deals with the relation of "literary templates" of medieval literature to historical reality. The question is considered on the example of two episodes from the Serbian Vitae of St. Sava, written in the 13th century. Both episodes, viewed commonly in modern science as the typical examples of hagiographic stereotype, according to the author, cannot be assessed so straightforward.

Keywords: Middle Age, source, hagiography, Serbia, medieval literature, Vitae of St. Sava, literary stereotypes.

Sergey Alekseev, D.Sc. (History), Professor, Head of the Department of History of the Moscow University for the Humanities, Chairman of the Historic-Educational Society "Radetel"; ipo1972@mail.ru